

Харуки Мураками

СЖЕЧЬ САРАЙ

для киноклуба ФЖ

「КИНОКЛУБ
ФЖ」

納屋を焼く

Харуки Мураками
СЖЕЧЬ САРАЙ

рассказ

из сборника
«Светлячок
и другие рассказы» 1984 г.

СЖЕЧЬ САРАЙ

подготовлено для показа
КИНОКЛУБ ФЖ

«Пылающий» (2018)
режиссёр — Ли Чхан Дон

Я познакомился с нею на свадьбе у приятеля три года назад. Было мне тогда тридцать один, ей — двадцать, а значит наш возраст различался почти на один астрологический период, что, в общем-то, не имело особого значения. В то время мою голову занимали куда более важные проблемы, чтобы думать ещё о возрасте и прочей ерунде. Собственно говоря, она тоже особо об этом не беспокоилась. Я был женат, однако, и это не имело значения. Казалось, она воспринимает мой возраст, семью, доход чисто как данность: размер ноги, тембр голоса или форму ногтей.

Одним словом, не принадлежала к разряду меркантильных людей. Если хорошенько задуматься: так оно, пожалуй, и было.

Она изучала пантомиму по какому-то-там известному учителю, а на жизнь зарабатывала моделью для рекламы, но делала это с большой неохотой, часто отказываясь от предложений агента, из-за чего доход получался крайне скромным.

Бреши в бюджете покрывались, в основном, расположением нескольких «бойфрэндов».

Само собой, этих тонкостей я не знаю. Просто пытаюсь предположить, исходя из её же часто повторявшихся рассказов.

При этом, я ни в коем случае не хочу сказать, что она спала с мужчинами ради денег, или типа такого. Пожалуй, всё намного проще. Настолько, что многие, сами того не замечая, рефлекторно видоизменяют свои смутные повседневные эмоции в некоторые отчётливые формы, как то: «дружелюбие», «любовь» или «примирение».

Толком объяснить не получается, но по существу что-то вроде того.

Несомненно, такое не длится до бесконечности. Продолжайся оно вечно, сама структура космоса оказалась бы перевёрнутой вверх ногами. Это может произойти только

в определённое время и в определённом месте. Так же, как «чистить мандарин». О «чистке мандарина» я и расскажу.

В день первой нашей встречи она сказала, что занимается пантомимой. Я проявил интерес, но особо не удивился. Все современные молодые девушки чем-нибудь увлекаются. К тому же, она не походила на тип людей, которые шлифуют свой талант, занявшись чем-то всерьёз.

Затем она «чистила мандарин». «Чистка мандарина» означает буквально то, что и написано. Слева располагается стеклянная миска с наваленными горой мандаринами, справа — тоже миска: под шкурки. Такая вот расстановка. На самом деле, ничего этого нет. Она в своём воображении берёт в руку мандарин, медленно очищает шкурку, по одной дольке вкладывает в рот, выплёвывая кожицу, а, съев один мандарин, собирает кожицу в шкурку и опускает в правую миску. И повторяет этот процесс много-много раз. С первого взгляда — ничего особенного. Однако, проследив минут десять-двадцать за такими манипуляциями, — а мы болтали о пустяках за стойкой бара, и она почти машинально продолжала за разговором «чистить мандарин», — я начал понимать, что из меня словно высасывают чувство реальности. Жуткое ощущение. Когда в Израиле судили Айхмана¹, некоторые говорили, что лучше всего из его одиночки постепенно откачивать воздух. Я точно не знаю, каким способом его казнили, просто случайно вспомнил об этом.

— У тебя, похоже, талант!

— Что? Это? Это так себе! Никакой и не талант! Просто нужно не думать, что здесь есть мандарины, а забыть, что мандаринов здесь нет. Только и всего!

¹ Айхман — Руководитель подотдела Гестапо. Идеолог газовых камер и машин-душегубок. Бежал из лагеря военнопленных в Нюрнберге в 1946 году и был похищен израильскими агентами в 1960 году из пригорода Буэнос-Айреса, Аргентина. Повешен по приговору израильского суда. Это единственная смертная казнь, осуществленная за всю историю государства Израиль

— И правда просто!

Этим она мне и понравилась.

Признаться, мы встречались не так-то и часто: раз, самое большее два в месяц.

Поеживав, шли в бар, джаз-клуб, гуляли в ночи.

Рядом с нею я чувствовал себя беззаботно, напрочь забывая о работе, которую не хотелось делать, о никчемных спорах без малейшего намёка на результат, о непонятных людях с непонятными мыслями. В ней крылась какая-то особая сила.

Слушая её бессмысленную болтовню, я впадал в состояние лёгкой рассеянности, как в минуты, когда смотришь на плывущее вдаль облако.

Я тоже о многом рассказывал, но при этом не коснулся ни одной важной темы. Не оказалось ничего, о чём я должен был ей рассказать. Правда!

Нет ничего, о чём я должен рассказывать!

Два года назад весной умер от инфаркта отец, оставив, если верить её словам, небольшую сумму денег. Она решила на них ненадолго съездить в Северную Африку. Я так и не понял, почему именно туда, однако познакомил её с одной подругой, работавшей в Посольстве Алжира в Токио, благодаря которой она всё-таки отправилась в эту африканскую страну. В конце концов, я же поехал провожать её в аэропорт. Она была с одной потрёпанной сумкой «бостон». Багаж досматривали так, будто бы она не едет в Африку, а возвращается туда.

— Правда же, ты вернёшься в Японию?

— Конечно, вернусь!

: И вернулась — через три месяца, похудев на три килограмма и чёрная от загара.

Вдобавок к этому, привезла из Алжира нового любовника, с которым банально познакомилась в ресторане. В Алжире мало японцев, и это их объединило и сблизило. Насколько мне известно, он стал для неё первым настоящим любовником.

Где-то под тридцать, высокого роста, опрятный, вежливый. Правда, со слабо выразительным лицом, но из разряда симпатичных и приятных людей. Большие руки с длинными пальцами.

Почему я знаю такие подробности об этом человеке? Потому что ездил их встречать.

Внезапно из Бейрута пришла телеграмма, в которой значились лишь дата и номер рейса. Похоже, она хотела, чтобы я приехал в аэропорт. Когда самолёт сел, а сел он из-за плохой погоды на четыре часа позже, и я всё это время читал в кафе сборник рассказов Фолкнера, эта парочка вышла из дверей, держась за руки.

Похожие на добропорядочных молодых людей. Она представила мне его, и мы почти рефлексивно пожали друг другу руки. Крепкое рукопожатие человека, долго живущего за границей. Затем пошли в ресторан, — она хотела во что бы то ни стало съесть «тэндон»¹, и ела его, а мы с ним пили пиво.

— Я работаю во внешнеторговой фирме, — сказал он, но о самой работе так и не заикнулся. Может, не хотел говорить, или постеснялся, предположив, что это покажется скучным, — я так и не понял. Правда, я и сам не жаждал слушать рассказы о торговле, поэтому задавать вопросы не отважился. Темы для беседы не находилось, и тогда он поведал мне о безопасности в Бейруте и водопроводе в Тунисе. Похоже, неплохо разбирался в обстановке стран Северной Африки и Ближнего Востока.

Покончив с «тэндоном», она широко зевнула и заявила, что хочет спать. Казалось, она тут же уснёт. Да, совсем забыл: за ней водилась привычка засыпать, невзирая на место. Он сказал, что проводит её до дома на такси, на что я возразил, мол, на электричке выйдет быстрее, да и сам я вернусь таким способом. При этом для меня осталось загадкой: зачем вообще приезжал в аэропорт?!

¹ Тэндон — блюдо японской кухни, состоящее из тёплого риса, сверху которого помещаются обжаренные в кляре морепродукты и овощи под густым соевым соусом.

— Рад был познакомиться, — обратился он ко мне без какого-либо намёка на извинение.

— Взаимно.

После этого я виделся с ним несколько раз. Заприметь я где-нибудь случайно её, рядом обязательно оказывался он. Назначь я ей свидание, случалось, он подвозил её до места встречи. Он ездил на спортивной немецкой машине серебристого цвета, на которой нельзя было найти ни единого пятнышка. Я почти не разбираюсь в машинах, поэтому подробно описать не могу, однако, это была машина в духе чёрно-белых фильмов Федерико Феллини.

— Он наверняка богатый? — поинтересовался я как-то у неё.

— Да, — ответила она безо всякого интереса. — Наверно, богатый.

— Неужели так хорошо зарабатывают во внешней торговле?

— Внешней торговле?!

— Он сам так сказал: «Работаю во внешнеторговой фирме».

— Ну... Может, и работает. Правда... не знаю я толком. Он вообще-то не похож на работающего человека. Встречается с людьми, звонит по телефону, но так, чтобы трудиться изо всех сил...

— Совсем как Гэтсби!

— Ты о чём это?

— Да так! — ответил я.

* * *

Она позвонила после обеда в одно из воскресений октября. Жена с утра уехала к родственникам, оставив меня одного. День выдался солнечным и приятным. Глядя на камфарное дерево в саду, я поедая яблоко. Уже седьмое за день.

— Я сейчас недалеко от твоего дома. Ничего, если мы вдвоём заглянем в гости? — поинтересовалась она.

— Вдвоём? — переспросил я.

— Ну, я и он.

— Да... да, конечно!

— Тогда мы подъедем минут через тридцать, — выпалила она и повесила трубку.

Рассеянно посидев некоторое время на диване, я пошёл в ванную, принял душ и побрился. Затем, вытираясь, почистил уши. Поразмыслив, прибраться в доме или нет, решил отказаться от этой затеи. На полную уборку времени не хватало, а если не убираться, как полагается, лучше не делать этого вовсе. По комнате валялись разбросанные книги, журналы, письма, пластинки, карандаши и даже свитер. При этом грязно в ней не было. Так, творческий беспорядок! Я как раз накануне закончил одну работу, и на другие занятия уже не оставалось ни сил, ни желания.

Усевшись на диван, я взялся за очередное яблоко, поглядывая на камфарное дерево.

Они приехали больше, чем через два часа. Зашуршали колёса затормозившей перед домом спортивной машины. Выйдя в прихожую, я заметил на дороге знакомый силуэт серебристого цвета. Подружка махала мне рукой из открытого окна. Я показал место за домом для парковки. — А вот и мы! — воскликнула она, улыбаясь. Тонкая блузка отчётливо выделяла форму её сосков, мини-юбка отливала оливково-зелёными тонами.

Он был одет в спортивную темно-синюю кофту европейского стиля. Мне показалось, он производит несколько другое впечатление, чем во время последней встречи из-за, по меньшей мере, двухдневной щетины. Однако в его случае даже щетина не делала его неряшливым, — просто тени на лице стали гуще. Он вставил солнечные очки в нагрудный карман и слегка шмыгнул носом. Таким высококлассным шмыганьем!

— Извините мы так неожиданно нагрянули в выходной: — сказал он.

— Ничего страшного. У меня каждый день похож на выходной. Да и... скучал я в одиночестве, по правде говоря.

— Мы привезли немного еды, — сообщила она и достала с заднего сиденья большой бумажный пакет.

— Еды?

— Так, ничего особенного. Просто подумали: неудобно идти в гости с пустыми руками. К тому же в воскресенье! — пояснил он.

— Вообще-то, это хорошая мысль, если учесть, что я с утра питаюсь одними яблоками.

Мы вошли в дом и разложили продукты на столе. Признаюсь, получился неплохой наборчик! Хорошее белое вино и сэндвичи с и ростбифом, салат и копчёная красная рыба, голубика и мороженое. И всего помногу! В сэндвичи с ростбифом, как полагается, входил кресс-салат, горчица тоже была настоящей. Переложили еду на тарелки и открыли вино — как небольшая вечеринка.

— Мне даже как-то неудобно...

— Ничего-ничего! Считайте это маленькой компенсацией за нашу бесцеремонность!

— Давайте уже есть! А то у меня в животе бурчит! — взмолилась она.

На правах хозяина я налил в бокалы вино и предложил тост. Вино оказалось несколько терпким. Хотя после нескольких глотков это ощущение притупилось.

— Можно поставить какую-нибудь пластинку? — спросила она.

— Давай, — ответил я.

Она уже была один раз у меня дома, поэтому безо всяких объяснений знала, где что можно взять. Достала с полки несколько любимых пластинок, смахнула с них пыль и поставила на проигрыватель.

— До боли знакомый аппарат! — заметил он.

Это об авточейнджере марки «Галлард». И в самом деле, такая модель уже стала реликтом, мне пришлось приложить

немало усилий, чтобы найти её в хорошем состоянии. Тем более приятно, когда человек понимает в этом толк! Так разговор на время переключился на аппаратуру.

Ей нравились старые джазовые вокалисты, и, как результат, зазвучали Фред Астэр, Бинг Кросби. А между ними затесалась «струнная серенада» Чайковского, которую сменил Нэт Кинг Коул.

Мы поглощали сэндвичи, салат, рыбу. Когда закончилось вино, я достал из холодильника баночное пиво, и мы принялись за него. Благо, пиво всегда наставлено в холодильнике плотными рядами. Дело в том, что один мой знакомый владеет небольшой фирмой и уступает по сходной цене неизрасходованные подарочные талоны на пиво¹.

Сколько бы он ни пил, цвет лица оставался неизменным. Я тоже не слабак, если дело доходит до пива. Опять-таки, и она выпила несколько банок за компанию.

Таким образом, менее чем за час на столе выстроились двадцать четыре пустые банки. Так, ерунда! Тем временем закончилась музыка. Она выбрала другие пять пластинок, и первой зазвучала композиция «Эаджин» Майлза Дэвиса.

— Есть немного травки. Не хотите?

Я засомневался. Дело в том, что только месяц назад я бросил курить. Сейчас как раз настал переломный период, поэтому я боялся, не пропадут ли мои старания даром. Но, в конечном итоге, решился. Он достал со дна бумажного пакета алюминиевую фольгу, насыпал соломку на лист сигары и плотно закрутил его, смочив край языком. Затем подкурил от зажигалки, несколько раз затянулся, проверяя, что она действительно подкурена и протянул мне. Марихуана оказалась отменного качества. Некоторое время мы без слов передавали сигару

по кругу, делая за раз по одной затяжке. Майлз Дэвис уступил место вальсам Иоганна Штрауса.

Когда мы докурили сигару, она сказала, что хочет спать. И всё из-за трёх банок пива впридачу к конопле на фоне недосыпания! Она действительно быстро засыпает.

Я отвёл её на второй этаж в спальню. Быстро раздевшись до трусов, она надела одолженную у меня майку, нырнула в постель и уже через пять секунд засопела. Я спустился вниз, покачивая головой.

Сидя в гостиной на диване, её любовник уже готовил вторую сигару. Крепкий паренёк! По правде говоря, мне сейчас хотелось нырнуть в постель рядом с нею и тоже уснуть крепким сном. Но это было бы не по-хозяйски. Мы закурили. Продолжали играть вальсы Штрауса. Почему-то вспомнился спектакль смотра самодеятельности в начальной школе. Я играл тогда роль дядьки из перчаточной лавки. К перчаточнику приходит лисёнок купить перчатки. Но денег лисёнку не хватает.

— Тогда ты не сможешь купить перчатки, — говорил я. (Такая отрицательная роль.)

— Дяденька! Но маме так холодно, что шкурка на лапках трескается, упрашивал лисёнок.

— Нет, не годится! Накопи денег и приходи снова. Тогда:

— Иногда жгу сараи! — сказал он.

— Прошу прощения?.. — Я слушал несколько рассеянно и решил, что лучше переспросить.

— Иногда жгу сараи! — повторил он.

Я посмотрел на него. Он обводил ногтём контур зажигалки. Затем глубоко затянулся, подержал дым секунд десять и потихоньку выдохнул. Дым выплывал из его рта наружу, совсем как эктоплазма. Он передал мне косяк, проговорив:

— Хорошая всё-таки вещь!

Я кивнул головой.

¹ Талон на пиво — денежный эквивалент, по которому в любом алкогольном магазине можно приобрести товар на сумму стоимости двух бутылок пива объёмом по 633 мл.

— Эту привезли из Индии. Я выбирал самого лучшего качества. Когда куришь её, вспоминаются всякие странные эпизоды вместе с цветом и запахом. Вот такая штука!

При этом память: — до сих пор он несколько раз щёлкнул пальцами, выдерживая небольшие паузы, —: совершенно изменяется. Вы так не думаете?

Я согласился и тут же вспомнил суматоху на сцене во время спектакля, запах краски, картонные декорации:

— Хотелось бы услышать о сараях, — сказал я.

Он посмотрел на меня, при этом на его лице по-прежнему отсутствовало какое-либо выражение.

— Можно начинать?

— Конечно, — ответил я.

— Всё очень просто: разбрызгиваю бензин, подношу горящую спичку. Вспыхивает, и на этом конец. Не проходит и пятнадцати минут, как огонь спадает.

— И что дальше? — спросил я и закрыл рот, не в состоянии найти следующей подходящей фразы. — Почему ты жжёшь сарай?

— Что, странно?

— Не знаю. Ты жжёшь. Я не жгу. И между этим есть определённое различие. По мне, чем говорить, странно это или нет, прежде хочется выяснить это различие. Для нас обоих. К тому же, ты первый завёл об этом разговор.

— Да, это так! Кстати, а у вас есть пластинки Рави Шанкара? Я ответил, что нет.

Он некоторое время пребывал в рассеянности.

— Обычно сжигаю один сарай в два месяца, — сказал он и опять щёлкнул пальцами. — Мне кажется, такой темп в самый раз. Несомненно, что касается меня.

Я неопределённо махнул головой. Темп?

— Значит, ты жжёшь свои сарай?!

Он обалдело уставился на меня.

— С чего это я должен жечь свои сарай? И почему вы думаете, что у меня их должно быть много?

— То есть, — переспросил я, — это чужие сарай?

— Ну, да! Конечно! Поэтому: это, одним словом, преступление. То же самое, что мы с вами сейчас здесь курим коноплю. Отчётливо выраженное преступление.

Я молча сидел, поставив локоть на ручку стула.

— Это значит, что я без спроса поджигаю чужие сарай. Правда, выбираю такие, от которых не возникло бы большого пожара. Я не собираюсь устраивать пожары, просто, хочется сжигать сарай.

Я кивнул головой и затушил косяк.

— А если поймают, проблем не возникнет? Во всяком случае, за поджог могут и срок дать.

— Не поймают! — беспечно отмахнулся он. — Я обливаю бензином, чиркаю спичкой и сразу же убегаю. Затем, смакуя, смотрю издали в бинокль. Не поймают. Потому что полиция не станет суетиться из-за какой-то одной малюсенькой сараяшки.

— К тому же, никому и в голову не взбредёт, что respectable молодой человек на иномарке будет заниматься поджогами сараев?!

— Вот именно! — слегка улыбнулся он.

— А она? Тоже знает об этом?

— Она ничего не знает. О таких вещах я не говорю никому.

— Почему тогда мне рассказал?

Он приподнял левую руку и еле слышно поскрёб пальцами по щетине.

— Вы пишете повести. К тому же, должны хорошо разбираться в мотивах человеческих поступков. Мне кажется, писатели: одним словом, прежде, чем оценивать вещи и поступки, наслаждаются ими в первозданном виде. Поэтому и рассказал.

Я на некоторое время задумался над его словами. Резонно!

— Ты, наверное, имеешь в виду первоклассных писателей? — спросил я.

Он ухмыльнулся.

— Может, это выглядит несколько странно. — Он вытянул перед собой руки и сцепил пальцы в замок. — В мире огромное количество сараев, и мне кажется, все они ждут, когда я их сожгу. Будь то одинокий сарай на берегу моря или по центру поля. Попросту говоря, любому сараю достаточно пятнадцати минут, чтобы красиво сгореть. Как и не было в помине. Никто даже горевать не станет. Просто — пшик, и сарай исчезает.

— Так, ты сам решаешь, нужен он или нет?

— Я ничего не решаю. Просто наблюдаю. Как дождь: Дождь идёт. Река переполняется водой. Что-то сносится течением. Дождь что-нибудь решает? Ничего! Я верю в такую вещь, как нравственность. Люди не могут жить без неё. Я думаю, нравственность — это одновременное существование.

— Одновременное существование?

— Короче говоря, я нахожусь здесь и нахожусь там. Я нахожусь в Токио, и я же одновременно нахожусь в Тунисе. Я же упрекаю, я же и прощаю. Что ещё имеется помимо этого?

Вот те на.

— Я считаю, это несколько крайнее мнение. В конце концов, оно строится на основе предположения. Строго говоря, если использовать только отдельное понятие «одновременность» — возникнет лишь сплошная неопределённость.

— Понимаю. Просто я хочу выразить своё настроение в качестве настроения. Но:

давайте закончим этот разговор. Я всю свою молчаливость сполна выговариваю, пропустив несколько бокалов спиртного.

— Пиво будешь?

— Спасибо, не откажусь.

Я принёс с кухни ещё шесть банок пива, а к ним сыр «камамбер»¹. Мы выпили по три банки, закусывая сыром.

— Когда ты в последний раз сжёг сарай? — поинтересовался я.

— Сейчас вспомню! — Он задумался, слегка сжав опустевшую банку. Летом: в конце августа.

— А когда решил жечь в следующий раз?

— Не знаю. В принципе, это не значит, что я составляю график, делаю пометки в календаре и сижу жду того дня. Появится настроение — еду жечь.

— Но ведь в тот день, когда есть настроение, не обязательно имеется под рукой подходящий сарай?

— Конечно так, — тихо ответил он. — Поэтому я заранее выбираю подходящий.

— И делаешь запас?

— Именно.

— Можно ещё один вопрос?

— Пожалуйста.

— Следующий сарай уже определён?

Он нахмурился, затем слегка шмыгнул носом.

— Да, определён.

Я молча допивал пиво маленькими глотками.

— Очень хороший сарай! Давно такого не было! По правде говоря, сегодня приезжал сюда на разведку.

— То есть, он где-то поблизости?

— Да, совсем рядом.

На этом разговор о сараях закончился.

В пять часов он разбудил подругу и извинился за неожиданный визит. Несмотря на двадцать выпитых банок пива,

¹ Камамбер — сорт нормандского сыра высшего качества.

выглядел он абсолютно трезвым и уверенно вывел машину со стоянки.

- Поосторожнее с сараем! — пожелал я ему на прощанье.
- Хорошо! — ответил он. — Как бы там ни было, совсем рядом!
- Что за сарай? — поинтересовалась она.
- Да так, мужской разговор, — отпарировал он.
- Ну-ну!

И они вдвоём исчезли.

Я вернулся в гостиную и завалился на диван. На столе царил бардак. Я надел через голову обретенную на пол шерстяную кофту и крепко заснул.

Когда открыл глаза, в доме уже стоял сумрак.

Семь часов.

Комнату обволакивали синеватая темень и едкий запах конопли. Странная неоднородная темнота. Продолжая лежать на диване, я попытался вспомнить продолжение школьного спектакля, но из этого ничего толком не вышло. Смог ли лисёнок заполучить перчатки?!

Я встал с дивана, открыл окно и проветрил комнату. Затем приготовил на кухне кофе и выпил его.

* * *

На следующий день я отправился в книжный магазин и купил карту своего района.

Самую подробную, масштабом 1:20000, включающую всё вплоть до самой узкой тропинки. С этой картой я обошёл окрестности дома и пометил крестиком все места, где имелись сараи. Потратив три дня, я исследовал весь район до последнего закоулка в радиусе четырёх километров. Мой дом расположен в пригороде, где сохраняется немало крестьянских хозяйств. Следовательно, количество сараев тоже велико: всего набралось шестнадцать.

Тот, что он собирается сжечь, — наверняка один из них. Судя по его намёку «совсем рядом», я был уверен, что сарай не может находиться дальше от дома.

Затем я внимательно проверил обстановку вокруг каждого. Первым делом отбросил прилегающие близко к жилью и парникам. Далее исключил по виду явно используемые под сельскохозяйственные механизмы и химикаты, предполагая, что он вряд ли захочет сжигать все эти механизмы с химикатами.

В конце концов, осталось пять сараев. Пять сараев под сожжение. Или же, пять беспрепятственно сжигаемых сараев из разряда тех, которые сгорят за пятнадцать минут, и когда догорят, никто о них даже не пожалеет. Другое дело, что не мне решать, какой именно он собирается сжечь. А дальше вопрос вкуса. Хотя мне страсть как хотелось узнать, на какой из пяти упал его выбор.

Я раскрыл карту, оставил эти пять, а на месте остальных стёр крестики. Затем взял линейку, лекала и делительный циркуль и вычислил кратчайший путь от дома мимо этих пяти мест и обратно. Путь извилисто пролегал вдоль холмов и речки, поэтому работа заняла немало времени. В конечном итоге определилось расстояние маршрута — семь километров и двести метров. Я повторил измерения несколько раз, что исключало ошибку в расчётах.

На следующее утро в шесть часов я надел спортивный костюм и отправился на пробежку. Каждый день я пробегал утром и вечером по шесть километров, поэтому добавить ещё по одному не составляло особого труда. Неплохой пейзаж, по пути два переезда, но закрываются они крайне редко.

Выйдя из дома, я обогнул стадион расположенного поблизости института, затем пробежал три километра по грунтовой и потому непопулярной дороге вдоль реки. По пути стоит первый сарай. Затем пересёк рощу. Лёгкий подъём. Другой сарай. Чуть поодаль от него расположилась конюшня скаковых лошадей. Лошади, увидев огонь, может, слегка всполошатся, но не больше, а это не есть реальный ущерб.

Третий и четвёртый похожи, как два безобразных старика-близнеца. Между ними меньше двухсот метров. Оба старые и грязные. Если жечь, то сразу оба.

Последний стоял сбоку от железнодорожного переезда. Где-то на отметке шести километров. Абсолютно и полностью заброшенный сарай. На стене со стороны полотна прибит жестяной рекламный плакат «Пепси-колы». Строение у меня, правда, не было уверенности, можно ли называть это строением, находилось практически в полуразрушенном состоянии. Как он и говорил, сарай выглядел так, словно ждал, когда его кто-нибудь подожжёт.

Я ненадолго остановился возле последнего сарая, несколько раз глубоко вдохнул, пересёк переезд и вернулся домой. Тридцать одна минута и тридцать секунд. Что ж, на первый раз неплохо. Затем принял душ, позавтракал и, прежде чем заняться работой, послушал пластинку, глядя на камфарное дерево.

Таким образом, целый месяц я каждое утро бегал по этому маршруту, но сараи оставались целыми.

Может быть, он просто подбивал меня на поджог сарая?! Одним словом, вложив в мою голову образ горящего сарая, он раздувал его, словно накачивал воздухом колёса велосипеда. И в самом деле, я иногда подумывал: чем вот так ждать, пока сожжёт он, быстрее самому чиркнуть спичкой и сжечь сарай первым. Ну, в самом деле!

Всего лишь старый с виду сарай!

Бред какой-то! Ведь настоящая проблема — в том, что я не собираюсь сжигать сарай. Сарай сожжёт он! Наверно, он поменял намеченную цель на другую. Или же настолько занят делами, что на поджог не остаётся времени. От неё тоже не было звонков.

Минула осень. Настал декабрь. Утренний морозец пробирал до костей. Белый иней осел на крыши сараев, которые по-прежнему стояли на своих местах. Зимние птицы летали по застывшей роще, громко хлопая крыльями. Мир продолжал своё неизменное движение.

* * *

В следующий раз мы встретились в середине декабря прошлого года незадолго до Рождества. Повсюду звучали

рождественские песни, кипела торговля. В тот день я поехал в город купить подарки: жене — серый свитер «альпака», двоюродному брату — кассету с «Рождественской песней» в исполнении Вилли Нельсона, ребёнку младшей сестры — книжку с картинками, подружке — точилку карандашей в форме оленя, себе самому — зелёную спортивную майку. Держа в правой руке бумажный пакет с покупками, а левую засунув в карман шерстяного пальто, я шёл по кварталу Ногидзака, где и заприметил его машину. Вне всяких сомнений, это была его серая спортивная машина с номером «Синагава» и маленькой царапиной сбоку от левой передней фары: она мирно стояла на парковке кафе. Я без колебаний вошёл внутрь.

В помещении господствовал мрак и стоял запах кофе. На фоне музыки в стиле «барокко» почти не слышались голоса посетителей. Я сделал вид, что ищу место, а сам искал его. Он нашёлся сразу — сидел возле окна, пил «кафе о-лэ». Не смотря на жару внутри, от которой моментально запотели очки, он сидел, как был в кашемировом пальто, даже не сняв шарфа.

Я слегка поколебался, но всё-таки решил подойти. При этом не стал говорить, что увидел машину. Просто — случайная встреча!

— Можно присесть? — спросил я.

— Конечно! Пожалуйста! — ответил он.

Мы немного поболтали. Разговор явно не клеился. Изначально у нас и не было общих тем для беседы, да и он, как мне показалось, думал о чём-то своём. Несмотря на это, моё присутствие не было ему в тягость. Он рассказал о порте Туниса, затем поведал о вылавливаемых там креветках. Не похоже, чтобы разговор поддерживал просто из вежливости. О креветках он говорил всерьёз. Однако, прервавшись на полуслове, беседа так и не возобновилась.

Он поднял руку и заказал вторую чашку кофе с молоком.

— Кстати, что случилось с сараем? — решительно спросил я.

Он едва заметно улыбнулся уголками губ.

— С сараем? Конечно, сжёг! Красиво так, как и обещал.

- Рядом с моим домом?
— Да! Совсем рядом!
— Когда?
— Уже давно: дней через десять после того, как мы заезжали к вам в гости.

Я поведал ему о пометках в карте и ежедневных двухразовых пробежках.

- : поэтому я не мог прозевать.
— Да! Обстоятельно! — весело сказал он. — Обстоятельно и теоретично! Но при этом всё равно прозевали. Так порою бывает! Видимо, он был слишком близко, чтобы заметить.
— Ничего не понимаю!

Он перевязал галстук, затем посмотрел на часы.

— Слишком близко! — повторил он. — Ну, мне пора. Может, поговорим об этом подробнее в следующий раз? Извините, просто я заставляю ждать человека.

У меня не было причин задерживать его дольше. Он встал, положил в карман сигареты и зажигалку.

- Кстати, вы с тех пор не встречались с ней?
— Нет! А ты?
— Я тоже. Связи никакой, в квартире нет, телефон молчит, в школе пантомимы не появляется.
— Может, уехала куда внезапно? С ней раньше такое случалось.

Он смотрел поверх стола, засунув руки в карманы.

- Без гроша за душой?! И уже полтора месяца. В декабре-то!
— Не знаю, — ответил я.
Он несколько раз щёлкнул пальцами в кармане пальто.
— Я точно знаю, что она без единого гроша и друзей тоже. Хоть блокнот и полон адресов, у неё нет друзей. Но вам она доверяла, и это — не комплимент!

Он опять взглянул на часы.

— Ну, я пошёл. Может, где ещё и свидимся.

* * *

После той случайной встречи я несколько раз пытался позвонить ей. На телефонной станции мне сказали, что номер отключен. Обеспокоенный, пошёл к ней домой. Но было даже непонятно, живёт она там ещё или уже нет. Вырвав лист из блокнота, написал записку с просьбой непременно связаться со мной, подписал адрес и втолкнул в почтовый ящик на двери. Ответа не последовало.

Когда я пришёл в её дом в следующий раз, на двери уже висела табличка с именем другого человека. Я попробовал постучать, но дверь никто не открыл. Привратник по-прежнему отсутствовал.

И я смирился. Произошло это почти год назад.

Она просто исчезла.

* * *

Я по-прежнему каждое утро пробегаю мимо пяти сараев. До сих пор не сгорел ни один из них. Я даже не слышал, чтобы в округе случилось что-нибудь подобное.

Опять настал декабрь, над головой летают зимние птицы. А я продолжаю стареть.

Под покровом ночи я время от времени размышляю о горящих сараях.

Ноябрь 1982 г.м

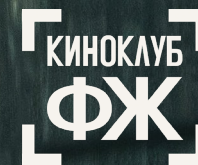
СОДЕРЖАНИЕ КИНОКЛУБА

1	все приходят
2	приносят общак
3	общак съедают до начала показа
4	вступительная речь от спикера
5	смотрим фильм
6	аплодисменты
7	перекур
8	возвращаемся в корпус
9	небольшое слово от спикера
10	обсуждение
11	все фильмы основаны на терминаторе
12	убираемся
13	расход
14	идём до общаги весёлые

дизайн и вёрстка:
Суппес Артём
2025 г.

спасибо что посетили показ
«ПЫЛАЮЩИЙ» (2018)

в рамках киноклуба фж

Ф
Ж

Харуки Мураками

Сборник «Светлячок и другие рассказы»

Сборник «Светлячок и другие» объединяет рассказы Харуки Мураками, написанные в разные годы. Ключевой особенностью книги является соединение реалистичных зарисовок обыденной жизни с тонкими элементами магического реализма, где привычный мир незаметно сдвигается в сторону загадочного. Авторский стиль характеризуется лаконичным и спокойным повествованием, даже в моменты фантастических событий. Герои рассказов — чаще всего одинокие люди, погруженные в свои внутренние миры и сталкивающиеся с необъяснимыми, но принимаемыми как данность явлениями. Сквозными темами становятся память, утрата, музыка и поиск невидимых связей между событиями и людьми. Мураками создает особую атмосферу, где мелкие детали повседневности обретают глубокий символический смысл.